

СПЕЦИФИКА СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КУЛЬТУРЫ В РАБОТАХ КАРЛА АЙМЕРМАХЕРА

Карл Аймермахер – немецкий учёный, профессор славистики, директор Славянского семинара и руководитель Института русской и советской культуры им. Лотмана в Рурском Университете в Бохуме (Германия), специалист в области русской культуры и её знаток, не только исследователь и коллекционер произведений современного русского искусства, но и внимательный наблюдатель того, что происходит у нас в гуманитарной сфере. К. Аймермахер был практически первым, кто познакомил западного читателя с первыми опытами «московско-тартуских» семиотиков. Он дважды издавал библиографию семиотических работ «Московской Тартуской школы» (1974 г. и 1977 г.) [1]. Выход русского издания книги К. Аймермахера «Знак, текст, культура» [2] позволяет надеяться, что взгляд немецкого исследователя на проблемы развития культуры, позволит нам по-новому осмыслить столь сложный феномен, каким выступает культура. В этом труде автор представляет конкретный анализ и решение методологических вопросов, которые тесно переплетены с общими размышлениями над советской и русской культурой в «теоретико-моделирующем» аспекте. Наиболее важные тематические разделы книги посвящены семиотике, структурализму, культурологии, литературоведению, изобразительному искусству, культурной политике в СССР после революции.

Культурологические исследования К. Аймермахера ориентированы как на широкую базу материала (структурализм и семиотика), так и на создание более строгих верифицируемых методов анализа. Содержание первого раздела книги составляют методологические проблемы: отношение метаязыка и языка-объекта, понятие модели в литературоведении, семиотика анализа и семиотика текста, семиотика и литературоведение, соотношение формализма, структурализма и семиотики. В центре внимания второго раздела книги – анализ работ «Московско-Тартуской» семиотической школы, её принципов, характера и достижений. В этом разделе анализируется становление семиотики в России как особой области целого знания.

К. Аймермахер считает, что наше понимание сущности культуры явно определяется теми же предпосылками, что и понимание текста, и, по сути, ограничено лишь познавательными способностями человека. Нельзя иначе интерпретировать культуру, если не понимать её как единое целое и, исходя из этого, придавать её частям некий «смысл», или наоборот, опираясь на гипотетический «смысл» одной из её частей, например одной из эпох, делать заключение о «смысле» культуры в целом.

В практике научного исследования важно то, каким образом может быть выявлена взаимосвязь части и целого, каким образом мы интерпретируем (т. е. снабжаем «смыслом») культуру как таковую или её отдельные области или хронологические отрезки [3; 15]. При таком подходе понимание культуры оказывается сходным с интерпретацией текста, но при этом опускается то обстоятельство, что у культуры, в отличие от текста, нет столь ясно обозначенных границ. Если же при этом молчаливо подразумевается, что наше понимание мира, культуры и текстов является целиком аналогом нашего сознания, то становится ясно, насколько универсальна и вместе с тем проблематична эта самая прописная истина. Из вышеизложенного автор делает вывод: «...Всё, именуемое нами культурой, её сущностью, её образом бытия, её развитием и даже смыслом – не более как гипотеза, опирающаяся на другие гипотезы, гипотеза, следующая из интерпретации суммированных данных о её частях, подобно тому, как смысл текста художественных произведений выводится из смыслообразующихся связей многократных семантических трансформаций» [4; 16].

Всякое высказывание о культуре основано на избранных предварительных положениях, методах познания и целевых установках, а также на понимании и интерпретации взаимосвязи части и целого. Подобно «высказыванию о смысле» некоторого текста всякое высказывание о культуре как таковой или об одной из её эпох представляет собой не что иное, как результат многократно повторенной многоходовой интерпретации, направленной на её компоненты и их взаимодействие. Существенно то, что смысл текста (т. е. представление некоторого идеологического целого) оформляется лишь в зависимости от того, опознаются ли, и если да, то каким образом, его составляющие,

как они формируются и трансформируются. Существенно при этом также и то, на фоне каких иных, т. е. внетекстовых знаков и знаковых систем, тексты конденсируются в соответствующие специфические познавательные модели. В подобном процессе понимания в добавление к каждому субъективному по своему происхождению познавательному интересу существенную роль играют коллективно обусловленные ментальные, психические и социально-психологические установки восприятия, влияние которых также оказывает воздействие на постоянно меняющуюся комбинацию интерпретационных параметров [5; 17].

На основании структурного сходства направленных на цельность моделирующих мир знаковых систем различной степени сложности можно предположить, что свойства отдельных подвергнутых изучению знаковых формаций (например, текстов) действительны и для таких больших систем, как культура. Хотя культура, несмотря на известные методы изучения, не поддается аналитическому разложению вплоть до последних составляющих, и поэтому не поддается и окончательному пониманию. Но всё же есть возможность (подобно тому, как происходит с текстами) ухватить её существенные черты, опираясь на распознаваемые, по крайней мере, до определенной степени структурные принципы и интерактивные механизмы.

К. Аймермахер выделяет факторы, влияющие на интерпретацию культуры (т. е. наделение её смыслами):

- нестабильность объекта исследования – неопределённый набор фактов, гипотез, аналогий, наблюдений – на основании чего в конечном итоге и делаются заключения общего характера;
- произвольность отбора материала из всего многообразия культурных явлений;
- особенности исследовательской концепции с присущими ей специфическими исходными положениями и целевыми установками, на основании которых обобщаются полученные знания, превращая их в основание некоторой теории в соответствии с особенностями, налагаемыми базовой концепцией;
- фактор неопределённости также связан с «языковым» оформлением изучаемого объекта, что зачастую приводит к неоднозначности высказываний [6; 18-19].

Таким образом, отмечает К. Аймермахер, как бы мы не оценивали соотношение объекта исследования и исследовательского инструментария, они как раз являются нашими «костылями» в познавательной деятельности. Эти факторы неизбежно вызывают односторонний характер нашего исследовательского инструментария. Основные «костыли» – неполная рационализируемость объектов исследования и неадекватность методов исследования.

С точки зрения К. Аймермахера, сознание, знаки, знаковые модели, а также культуры – в их фрагментах или в целом – возникают, существуют и исчезают в рамках потенциально всеохватывающего процесса взаимодействия, основная тенденция которого направлена на сохранение, поддержание, но в то же время постоянно подвергается угрозе частичного или даже полного уничтожения. Если обозреть этот процесс на протяжении тысячелетий, то вполне можно проследить некую эволюцию. Качественные скачки в развитии культуры (например, от иероглифического письма к фонетическому) в семиотическом смысле действительно носят фундаментальный характер, однако отмечаются в истории далеко не часто. Вместо действительно качественных эволюционных сдвигов в истории, похоже, преобладает количественная разработка эволюционного потенциала достигнутой фазы развития. Автор отмечает, что поэтому трудно избавиться от ощущения, что значительные сегменты европейской культуры представляют собой результат прощупывания этого потенциала и непрерывной рекомбинации полученных элементов. Возникающая в результате специфика отдельного «культурного текста» (в семиотическом смысле) не является оригинальной. Нам приходится признавать, что в основе европейской культуры лежат древние универсальные возможности текстообразования, и что эта история ориентируется на индивидуальные и определяемые исторической эпохой специфические черты, основанные в первую очередь на принципе отклонения, различения, на опирающееся на них нормообразование, а не образование культуры по некоторым известным до того принципам [7, 26].

Если попытаться постичь культуру в её сущностном образе бытия, то, прежде всего, следует приняться за поиски её наиболее универсальных признаков, охватывающих все культурные явления. К числу таких минимальных универсальных предпосылок, обеспечивающих существо-

вание всякой культуры, по мнению К. Аймермахера, принадлежат следующие признаки, гарантирующие существование, преемственность и динамику культуры:

- постоянное самоутверждение,
- попытка индивидуального и коллективного освоения так называемой «унаследованной культуры», каждый раз предпринимаемая заново,
- критическое осмысление всякого культурного наследия [8; 113].

Историческая универсальность каждой определенной культурной формации (эпохи) следует из специфического образа, которым эти наиболее общие предпосылки всякой культуры характеризуются, в каких пропорциях они сочетаются и как они взаимодействуют друг с другом. Это взаимодействие наиболее ясно выражается в формировании определённых идеологий. Идеологии можно рассматривать как частичные интерпретации исторических ситуаций и процессов, а для отдельных людей и целых социальных сообществ их функция заключается в том, чтобы прояснить отношение к миру в самом широком смысле, к их социальной реальности. С этой точки зрения, культуры являются многократно опосредованной реакцией сознания на актуальные исторические ситуации и процессы: это выражение определённых, получивших новые импульсы идеологий, с помощью которых человек в последней инстанции анализирует общую и частную ситуацию, в которой он находится.

При изучении культуры мы имеем дело со сложным объектом. Гораздо более важными её составляющими, помимо названных идеологием, являются их изобретатели, а также те, кто их пропагандирует, и те, кому они адресованы. В рамках специфической коммуникационной системы все они пользуются подходящими социальными институтами, чтобы распространять и усваивать соответствующую идеологию.

В этом плане, как считает К. Аймермахер, интересен вопрос об историческом опыте взаимоотношений «советской системы» и «национальных государств в Восточной Европе», актуальный для послевоенной истории. Этот исторический опыт определён тем, каким образом реализовывались советские формы захвата и удержания власти с помощью тоталитарных институтов. Многие исследователи считают, что мы сталкиваемся в данном случае с феноменом «огосударствления культуры», а в применении к истории восточноевропейских государств – с трансформацией самостоятельных национальных культур в так называемых культурных сателлитов [9; 116].

Советская модель власти почти полностью охватывала все аспекты проявления культуры, принижала все культурные институты и саму культуру восточно-европейских государств. При этом она вступала во взаимодействие с национальными традициями, которые в каждом случае оказывались различными. Во всех случаях наносился ущерб национальным традициям. Они трансформировались, с течением времени возникали специфические новые национальные традиции, отчасти проявлявшиеся в интересном сочетании с другими явлениями.

На различных этапах отношений «советской системы» и «национальных государств» можно увидеть разные модели этих отношений. Они характеризовались напряжением между двумя полюсами, каждый из которых стремился стать ведущей силой, или хотя бы потенциально лишить значения другой полюс. В зависимости от того, как складывались эти отношения, можно выделить отдельные фазы развития восточноевропейских государств:

- 1) фаза консолидации под влиянием советской системы;
- 2) фаза интенсивного включения в этот процесс национального наследия и обретение нового культурного самосознания;
- 3) фаза постепенного, насколько позволяли рамки действующей цензуры, значительного расширения поля собственной новой культурной деятельности [10; 117].

Всё это порождало новые модели, в которых проявлялись новые элементы в культурных взаимоотношениях восточноевропейских стран друг с другом. Деятели восточноевропейских государств, с одной стороны, демонстрировали тесную связь между властью и культурой, как инструментом политически господствующей партии, служащим идеологической обработке и устранению противников; с другой стороны, показывали возможности культуры в воздействии на закостеневшие властные отношения, вплоть до развития альтернатив существующей власти.

Специфичной для нового исторического этапа проявления национального своеобразия является задержка, с которой происходило заимствование частей инструментария сталинской культурной политики. Проблема состоит в том, что восточноевропейские государства при упрочении политической власти не смогли инструментализировать культуру в той же степени, как

было сделано в СССР. В послевоенный период эти процессы совпали с новой фазой ослабления культурно-политического ужесточения и до явного смягчения определенных нормативных принципов художественного творчества. Важно и то, что новая восточноевропейская культурная система насчитывала в послевоенный период более короткую историю, чем культурная система Советского Союза [11; 119-120].

При констатации формальных признаков «советской системы» (достаточно поверхностных), можно было наблюдать явление культурной автономии. Вместо гомогенной, иерархически структурированной модели советской культуры, важное место занимает модель, в которую могут быть включены не только сохраняющие систему принципы, но и элементы, систему нарушающие или изменяющие её. Конкуренция или взаимное оспаривание права на существование становятся характерными для формирующейся новой культурной ситуации. Здесь речь идёт не только о многообразии модификаций советской культуры, но и о ситуации, порождающей культурное многообразие и стимулирующей потенциал новых активных действий в восточноевропейской культуре.

В практике взаимоотношений «советской культуры» и «национальной культуры» постоянно пытались использовать многообразие имеющихся процессов культурной интерференции. Однако осуществлялось это не открыто и с «санкции властей», а спускалось в подполье, ниже действующих властных структур. Чаще всего это была единственная возможность обойти эти структуры и шаг за шагом подрывать их изнутри [12; 121]. Так, чтобы придать динамику своему чешскому искусству, сотрудники журнала «Plamen» в середине 60-х годов, пользуясь как образцом советского искусства, опубликовали произведения раннего советского авангарда. Сходным образом поступили и литературоведы ГДР, ознакомив своих читателей с трудами Московско-Тартуской школы семиотики.

В 70-80-е годы в ГДР появилась возможность проводить культурную политику как бы снизу, в обход центрального руководящего аппарата культурной политики. В это время многим советским авторам нелегко было найти себе читателя за рубежом из-за предубеждения ко всему русскому. Поэтому усиленно переводились авторы, выступающие с острой социальной критикой (Айтматов, Распутин, Шукшин, Трифонов и др.). Эти, так называемые, эстетически «чуждые тексты» были чуждыми потому, что представляли позицию, отличную от официальной.

Подобные культурные события происходили в истории всех восточноевропейских стран. Они наглядно показывают, что исходный вопрос о соотношении «советской системы» и «национальных государств» является, по сути, вопросом о сложной системе, характеризующейся внутренним напряжением. Для неё характерны количественные и качественные изменения, повышенная динамика. Это системы, которые всё больше отдалялись от управления из одного центра власти, приобретая тем самым характер «национальных культур нового типа». Под воздействием специфического для каждой страны и замедленного процесса эрозии этой «чуждой» системы возникли преобразённые национальные культуры, которые оказались, по причине особенно мощного потенциала развития, внутренним источником не всегда контролируемых процессов в культуре Восточной Европы.

1. Eimermacher K., Shishkoff S. Subject bibliography of soviet semiotic: The Moscow-Tartu School". – Ann Arbor, 1977.
2. Аймермахер К. Знак. Текст. Культура: Пер. с нем. С.А. Ромашко. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998.
3. Аймермахер К. Все ярко, пестро, нестройно // Аймермахер К. Знак. Текст. Культура. – М., 1998. – С. 15.
4. Там же, с. 16.
5. Там же, с. 17.
6. Там же, с. 18-19.
7. Там же, с. 26.
8. Аймермахер К. Советская система и национальные государства // Аймермахер К. Знак. Текст. Культура. – М., 1998. – С. 113.
9. Там же, с. 116.
10. Там же, с. 117.
11. Там же, с. 119-120.
12. Там же, с. 121.